

УДК 130.2 + 130.3

МЕТАФИЗИКА ПРИСУТСТВИЯ: МОДУСЫ БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ

В.В. Баркова, У.В. Сидорова

В статье с философских позиций осмысляется метафизика бытия культуры в ракурсе человеческого присутствия. Последовательно анализируются основные модусы бытия культуры – социальный, ценностный и этико-экзистенциальный. В статье авторы поставили своей целью показать, что культура в ее основных модусах существования не является надприродным решением природных задач, как это нередко утверждают. У культуры важнейшим является духовное измерение, связанное с производством и сохранением культурных смыслов и ценностей. Предлагается понимание культуры как инструмента, позволяющего держать равновесие между миром коллективно-социального с присущими ему универсальными закономерностями и миром единичного, где доминирует уникальное личностно-индивидуальное содержание.

Ключевые слова: культура, модусы культуры, субъект культуры, субъект-объектное культурное взаимодействие.

Тематическое поле заявленной статьи подобно ленте Мебиуса. Любые ракурсы её рассмотрения всегда будут тесными для предметного обмена мнениями о культуре. При этом на фоне неостывающего интереса к исследованию этого феномена такой аспект его изучения как метафизика бытия культуры продолжает оставаться открытым. В разные времена исследованием этого аспекта занимались – А.И. Арнольд, А.С. Ахиезер, Э.А. Баллер, В.М. Бахта, В.С. Библер, Г.Д. Гачев, В.Е. Давидович, Н.С. Злобин, М.С. Каган, Л.Н. Коган, И.К. Кучмаева, Д.С. Лихачёв, Э.С. Маркарян, А.П. Огурцов, Э.В. Соколов, В.А. Рабинович, М.Б. Туровский, А.С. Фриш и т.д. Социокультурный кризис в условиях современного беспрецедентного разлома цивилизационного развития резко спровоцировал процессы переоценки всех ценностей. Потребовал качественного переобдумывания приёмов скульптурирования самостных основ культурной бытийности человека, став ключевой темой эпистемологического осмысления в различных знаньевых системах когнитивистики. Культура, как правило, определяется безличными терминами, но своё конкретное выражение она всегда находит на уровне отдельного человека – носителя культуры и способах его самореализации в ней. Социальные измерения феномена культуры предполагают различение модусов её существования:

- культура (как совокупность небиологических способов поведения) и общество (как структура отношений между людьми);

- культура как интегральное поле всех ценностей, накопленных социумом и человек как участник социальных отношений и субъект культуры;

- культура и сложившиеся нормы и правила морального поведения в границах социума на её основе и человек, так или иначе реализующий культурные нормы в своей жизни, что зависит от культурной среды воспитания, мотивов поведения, целей и идеалов.

Многообразие ипостасей, свойств и функций культуры имеет одну общую основу. Все они выступают особым уникальным способом бытия человека в посюстороннем мире его жизнеустройства, сердцевиной которого является особое жизненное пространство, жизненный мир личности в единстве её внешнего и внутреннего бытия в природе и обществе. Между тем знание об истоках прибытия человека и культуры в мир реального бытия остаётся неосвоенным кладом, лежащим в тенётах мутных вод реки времени, заманчиво мерцая из глубин лабиринтов непроявленного знания своими гранями, вписанными в эпифеномен биоэволюции культуры. Если попытаться пройти этот путь вглубь, то уверенность в успехе быстро уходит. Следы путаются и петляют, в результате остается некий нечитаемый абстрактный рисунок-отпечаток про неведомое, но бывшее и неразгаданное теперь и сейчас. Хитрость эволюции биосферы в том, что каждый акт её медиации ситуационно осуществлялся через отпадение реликтовой холмности нижних системных уровней организации природы, того, что ею отработано и в то же время инициирует переход на следующий эволюционный марш. Именно так запускался *regretuum mobile* культурогенеза, позволяющий взглянуть на некоторые аспекты запараллеленности фактов, смыслов, ситуаций, через которые культура обозначает себя, атрибутируется как феномен, рассеянный по всем, ею же сотканным артефактам.

Человек – единственное существо, которому со временем открывается бытие. Оно входит в его опыт не посредством знаний о чем-то, а посредством действия, через потребность человека обустроить своё бытование. Но без слова любому действию не хватает измерения, в котором человеческое бытие могло бы выразиться. Язык становится тем исходным инструментом, внутри которого человеческое существо впервые оказывается в состоянии отозваться на бытие. Местом укоренения бытия человека становится мир повседневности. М. Хайдеггер определил его как «мир забот», пространство человеческого опыта, горизонт целей, нетематизированный фон, необходимый для любого явления жизни, чтобы оно могло быть воспринято.

Появившись в мире не по своей воле, человек чувствует ограниченность, конечность своей бытийности. При этом он не может избавиться ни от осознания этой истины, как бы он этого не хотел, ни от своего тела пока жив – и это заставляет его хотеть быть. Тело для человека – это бремя и

благо. Напоминание ему о его ограниченности и способ, с помощью которого он преодолевает её. Укореняясь, в качестве онтогносеологического субъекта посредством адаптивно-адаптирующих отношений в природной среде, он постоянно ощущает пересечение множества миров бытия в самом себе, предполагает, что сплетаясь, они сходятся в нём, как в единственном, связующем их звене, участвуя в зародке его бытия одновременно. В процессе жизнедеятельности человек систематизирует наблюдаемый мир, наделяет его смыслами, управляет ими, творит бытие по неведомым пока ему самому законам.

По образному выражению М. Вебера, человек похож на животное, опутанное сетями смыслов, созданных им же самим. Осваивая ойкумену своего расселения, как естественное пространство бытийности, человек начинает подражать животным, прочно укоренённым в природе. Без этого, он не смог бы самостоятельно сделать и шаг, как буриданов осёл. Подражание стало для него трамплином к самоосуществлению за границами видовой нормы. Самосознание и кристаллизация ценностно-смыслового опыта освоения предметной среды обитания способствует тому, что в ментальных структурах человеческой самости начинают прорасти некие структуры духовности, которые становятся фундаментом креативных потребностей человека.

Изобретая всё более разнообразные формы существования, человек, в конце концов, формирует культуру, через сети значений которой улавливает и расшифровывает смыслы манящей его реальности бытия. При этом он проецирует родовые сущностные силы на обстоятельства собственной жизни, воспроизводя основания её во-вне-себя. В этом процессе он с удивлением обнаруживает при каждом повороте головы всё новые культурные отражения мира, в которых мультиплицируются опыты по освоению этих миров, как им, так и другими. Очевидно, что появление культуры имело свои имманентные задачи, отнюдь не сводимые к обеспечению первичных потребностей человека, в этом случае она бы дублировала природу. Эволюция такой избыточности не допускает. Гердер, назвавший человека первым вольноотпущенником природы, говорил о нём как о создателе культуры, возникшей благодаря несовершенству его природной организации.

Со смыслогенетической точки зрения, культура не есть надприродное решение природных задач, как это нередко утверждают [2]. По крайней мере, её нельзя к этому сводить. Свои собственные задачи природа вполне способна решать сама. Примером является принцип Ле Шателье-Брауна, называемый принципом смещения равновесия, и который является общим названием для ряда похожих событий в химии, термодинамике, электродинамике, теории систем, экономике и т.п. науках. Мир культуры изначально интересобъективен. Он не имеет аналогов в реальной действительности, произрастая вокруг человека делающего, творящего, мыслящего, любящего, страдающего.

Человека, который через акты спонтанной или целенаправленной проекции совершает деятельность в мире, утверждает себя в нём и, подтверждая его в себе. Смысловой выбор полей приложения творческих сил и ответственности испокон веков были мерой интеллектуальной и культурной зрелости человека, его умения извлекать смысл и уроки из пережитого, из того, что не получилось или удалось. Таким образом, смысл, как содержание человеческого бытия, понятый через призму культуры, выступает в роли посредника в отношениях человека с миром и с самим собой. Он адресован не только разуму, но и неконтролируемым глубинам души, чувствам, воле. Смыслы жизни способны стать и общезначимыми, если объединяют людей, становясь основой их мыслей и чувств. Именно из таких смыслов образуется тело культуры в своей универсальной значимости для человечества. П.Я. Гальперин был убеждён, что именно общественная смысловая определенность, захватывая всё более широкие слои отношений между индивидуумами, тормозила инстинкты. Потребности человека всё менее становились связанными со специфической природной чувствительностью и определялись тем, как и где живет данная группа людей, как складываются в ней отношения «человек и человек».

Ясперс считал, что человеческое общество это всегда «бытие с другими». Только так человек может раскрыть смысл соизмеримости своей культурной бытийности с другими. Таким образом, весь мир превращается в мир культуры как универсального способа творческой самореализации человека через полагание смыслов, стремления понять и утвердить их в человеческой жизни как смысл сущего. Этот смысловой мир через традиции, систему знаний, коды этнической культуры передаётся как великий дар откровений из поколения в поколение, детерминируя способ бытия и мироощущение людей. Эта смысловая доминанта культуры определяет характер всех остальных смыслов и отношений в обществе.

В.Д. Губин, размышляя о формах человеческого бытия в социуме, обнаруживает их в таких культурных феноменах как любви, красоте, нравственности, религии, в смысле жизни, семье, ответственности, свободе выбора, праве, верности себе. Причём, это не имманентно присущие человеку способности, а императивы, которые каждый ещё должен реализовать. В.Д. Губин считает, что без этих форм самореализации онтологии культуры человека, его просто нет в этом мире. Нет, как части мира [1].

Человек, как носитель родовых характеристик, укореняясь в социуме, укрепляет свою самоосновность в обществе. Именно самоосновность является знаком укоренённости культуры бытия в самостных структурах человека, а его «Я» выступает истоком самоосновности [3]. Родовой индивид, будучи погружен в поле родовой культурной идентификации, имел организующим началом родовое «Мы». Оно поднимало его от биологического к социальному и духовному уровням культурного развития. Отпадение от

«Мы» – «Они» отразило процесс социальной дифференциации в группе и квалифицировалось как процессе усложнения стратификационной культуры организации социального бытия.

Любая деятельность, связанная с установлением некоторых культурных нормативов, сталкивается с понятием долженствования. Как вопрос о смысле бытия является центральным вопросом онтологии, так и смысл долженствования является базовым вопросом, на котором строится всякое учение, связанное с некоторыми предписаниями. Человек, укореняясь в социуме как нецелостный, частичный субъект, исполняет в нём те или иные функции и роли в совокупной социальной деятельности. Интериоризованное внешнее долженствование как нусодинамика, превращает его Я в микросоциум. Социум, опираясь на культуру организации подсистем управления, морали, права стремится уравновесить субъектно-объектные отношения микросоциумов, публично выставляющих смыслы бытия и способы их реализации, как задачи своей культурной бытийности со-всему-сущим в мире на всех уровнях их коммуникативных связей. «Я» как духовно-психическая реальность личности, аккумулируя в себе культурные ценностно-смысловые данности, возникающие в ходе овладения культурным опытом социума, способна осуществлять трансформацию исходного содержания сознания, самоизменять личность. Внутреннее долженствование демонстрирует степень духовно-эйдической целостности личности, реализующей себя в процессах реакции на конкретные культурные события в социуме и т.д.

И. Кант механизм, регулирующий поведение человека в обществе на основе априорных норм морали, назвал «категорическим императивом». Моральная личность, считал философ, не должна руководствоваться гипотетическими правилами. В своём поведении каждый должен следовать требованиям категорического императива, который содержит общую идею долга перед человечеством, предоставляя индивиду полную свободу решать самостоятельно, какая линия поведения в наибольшей мере согласуется с моральным законом. Категорический императив проявляет себя двояким образом: латентно, регулируя поведение отдельного индивида и легально, регулируя поведение всех членов общества [4].

Таким образом, человек в своём культурном бытии преследует цель осмыслить своё существование в мире и упорядочить его. Важнейшей характеристикой всякого события в культурном измерении является то, что оно пытается держать равновесие между миром коллективно-социального с присущими ему универсальными закономерностями и миром единичного, где доминирует уникальное личностно-индивидуальное содержание. На базе диалектики ведущих модусов бытия культуры авторы постарались хотя бы пунктирно обозначить некоторые аспекты заявленной темы.

Библиографический список

1. Баркова, В.В. Диалектика обертонів професії і професійної ідентичності / В.В. Баркова // Фундаментальна і прикладна наука. – 2016. – № 1. – С. 6–9.
2. Борисов, С.В. Експозиція або «Філософський погляд» для науки / С.В. Борисов // Філософські дослідження. – 2013. – № 7. – С. 1–99.
3. Мамардашвілі, М.К. Необхідність себе / М.К. Мамардашвілі. – М.: «Лабіринт», 1996. – 154 с.
4. Гуревич, П.С. Філософія людини. – Ч. 2. / П.С. Гуревич. – М.: ИФРАН, 2001. – 210 с.

[К содержанию](#)